

УДК 1(47)
ББК 87(2Рос)

Н. С. КОНОПЛЁВ
*доктор философских наук, профессор,
Иркутский государственный университет*

ФИЛОСОФСКО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ТВОРЧЕСТВА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: ЕГО АКТУАЛЬНОСТЬ ДЛЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Рассматривается образовательно насыщенное творчество Ф. М. Достоевского как воплощение жизненно-философских поисков «нового человека» в условиях наступивших после реформы 1861 г. в России социально-духовных перемен. Все это имеет непреходящее значение и для нашего времени.

Ключевые слова: философия; Ф. М. Достоевский; образование; большая наука; полифонизм; «высший реализм»; парадигмальность мышления; А. Эйнштейн; З. Фрейд.

N. S. KONOPLEV
Doctor of Philosophy, Professor, Irkutsk State University

PHILOSOPHICAL AND EDUCATIONAL ORIENTATION OF WORKS BY F. M. DOSTOEVSKY'S: ITS RELEVANCE FOR OUR TIME

The article deals with the educationally rich works by F. M. Dostoevsky as an embodiment of life and philosophical search for the «new man» in the circumstances of social and spiritual changes that occurred in Russia after the reform of 1861. All the things mentioned above have an paramount significance for our time.

Keywords: philosophy; F. M. Dostoevsky; education; Big Science; polyphonism; «higher realism»; paradigmality of thinking; A. Einstein; Z. Freud.

Насыщенное полифоническим звучанием творчество Ф. М. Достоевского (1821–1881) — ключ к раскрытию его многогранного идейно-художественного наследия. Писать о Ф. М. Достоевском сложно из-за его полифонизма, прикрывающего авторскую позицию «голосами» сотворяемых им персонажей (правда, ее мастерски обнажил М. М. Бахтин (1895–1975), подменив, однако, «феноменом рассказчика» собственно автора — писателя Ф. М. Достоевского: рассказчик, по мнению исследователя, исполняя волю автора, комментирует его идейно-художественную позицию, и нам-де этого вполне достаточно; но мы, вопреки «сдерживающим усилиям» проникновенного достоевсковеда (каковым оказался М. М. Бахтин), намерены «герменевтическим лассо» постичь духовные метания самого загадочного

из «вечных спутников» человечества: нам нужен величественно неповторимый автор, а не его «функциональный протез»). Постигание Ф. М. Достоевского продолжается. Актуализуя современностью его «пророческий провиденциализм» (здесь «провиденциализм» — метафора: ее использование указывает на глубинный характер «пророческих изысканий» того, кто диалектически сопрягая добро и зло, выискивал в человеке возможность преодоления им завалов врожденно-приобретенного несовершенства), мы учимся медленному вхождению в сферу открывшейся толерантности.

Большая наука покорена «тайновидцем духа». ...Художник как бы ускользает из ваших рук, оставляя в них — образно говоря — свою «кожу»: гениальные создания. Они, подхваченные «неуловимой завербо-

ванностью», открываются неожиданными уголками научно выверяемой «аутентичной человечности». Так, теоретическое обеспечение созданного им психоанализа З. Фрейд (1856–1939) «на практике подтвердил» творчеством Ф. М. Достоевского — рассказом «Вечный муж» (1870), романом «Братья Карамазовы»... А. Эйнштейн (1879–1955) идет еще дальше, всерьез утверждая, что Достоевский дает ему «больше, чем Гаусс, больше чем все математики...». Упоминаемые корифеи науки (кстати, по опросам общественного мнения, проведенного несколько лет назад в США, ученым № 1 двадцатого столетия признан А. Эйнштейн, № 2 — Фрейд; из наших — С. П. Королев (1906–1966): 5-е место) активно апеллируют к Ф. М. Достоевскому — «почтенному толкователю научно обеспечиваемых истин». ...Ф. М. Достоевский — литератор; и какое дело отечественной и зарубежной «интеллектуальной элите» до его «откровенно антисциентистских» писаний? Но вот поди ж ты — «ультразлитные сливки» напропалую «вяжутся» Ф. М. Достоевским: «достают» его. Оказывается, творчество Ф. М. Достоевского образует современных (куда входят и «устроители НТР») читателей. Применительно к властителям дум такое наблюдалось всегда, и всемирная история — яркое тому подтверждение.

Образовательная программа Ф. М. Достоевского: ее суть. Чем же специфична «образовательная программа» Ф. М. Достоевского? (Закавычив «образовательную программу», мы подчеркиваем: никакой специально написанной программы у Ф. М. Достоевского не было. Образовательной программой — теперь уже без кавычек — становится производственно-трудовой накат странствующего по жизни ее вершителя: шагая от эпохи к эпохе, Ф. М. Достоевский предстает андрагогом, т. е. индивидом, постоянно сохраняющим в себе образовательный заряд. Его влияние переносится на новые поколения с их разнонаправленными, включая научную, видами деятельности.) Отвечая на вопрос о специфичности образовательной программы Ф. М. Достоевского, укажем на страдательный и в то же время жизнеутверждающий характер ее исполнения. Он причудливо выявляется линией поведения — выразимся так — оптимистичного жизнестра-

дальца Ф. М. Достоевского. Содержанием рассматриваемой образовательно-андрагогической программы будет соединение очищающего страдания и гордого оптимизма с личностным настроем их организатора. Ф. М. Достоевский лечит души последователей перенесенными им «кандалными ужасами», вселяет в сознание своих «пациентов» чувство гордого оптимизма за содеянное человечеством благо. Образовательный тезаурус Ф. М. Достоевского берет «невероятной высоты планку» ввиду постижения им «миров иных и вечности» (Ф. М. Достоевский). Опираясь «вечностью», стянутою «мирами иными», «беспримерный классик» приобщает нас к пока неизведанным временам, «расплывающимся» где-то там — «беспределом» космических далей (не этой ли «мозговой игрой» (А. Белый, 1880–1934) мог заразить вдумчивый правдоискатель творца теории относительности?). Нескончаем наплыв интереса к тому, что создала «больная совесть наша» (курсивом помеченные слова выражают оценку А. М. Горьким (1868–1936) Ф. М. Достоевского). Основоположник пролетарской литературы «ошеломляюще» точно уловил «зачарованную юродивость» своего бессмертного предшественника по «неотмирному воссозданию юдоли сей», соединив жизненно проверенные традиции грандиозной русской литературы с направлением социалистического реализма. Но еще задолго до «с криком реющего Буревестника», критиковавшего Ф. М. Достоевского за «бесов от революции», «неистовый Виссарион» — В. Г. Белинский (1811–1848), прочтя «пассаж нарождающегося светила» — повесть «Двойник» (1846), безапелляционно заявил о «болезненной невменяемости» защитника «бедных людей» с их — применим современный сленг — «усиливающимся состоянием шизо». Ведь господин Голядкин — «скомканный» персонаж упомянутого произведения — «самозабвенно раздвоен» до того, что собственное отражение воспринимает как «реального партнера по жизненным забавам». Или взять Вождя пролетарского переворота (1917): для него Ф. М. Достоевский — гениальный художник, обрисовавший «Мертвый дом, в котором жил русский народ при царях из дома Романовых». Этими словами В. И. Ленин (1870–1924) выразил положение,

согласно которому творчество Ф. М. Достоевского — квинтэссенция художественного отображения того, чего уже нет, но что, тем не менее, постоянно напоминает о себе «небытийной статьёй». Воскресим здесь «формулу» Парменида (ок. 540 — ок. 480 до н. э.): «Бытие есть, небытия нет». Под небытием элеаты (эту философскую школу, где упор был сделан на абсолютизацию устойчивости, основал Парменид) рассматривали изменчивость (см. учение Зенона Элейского (ок. 490 — 430 до н. э.) об апориях) как нечто нереальное в своей иллюзорности, подталкивающее, однако, «сущее» (т.е. то, что выражает квинтэссенцию «устойчивого безграничья») к «огорчительному финалу». Настаивая на том, что лишь «бытие есть», древнегреческие мудрецы выстраивали, как мы это видим, своеобразную фигуру умолчания по поводу того, что «небытия нет»: они полагали, будто можно возратить провозглашенный до них Гесиодом (ок. 700 до н. э.) «золотой век». Но если его — «век золотой» — «разрешил судьба», сама возможность сего прописана признанием «онтологического статуса небытия». Фиксируя каторжное состояние Ф. М. Достоевского границами «Мертвого дома», В. И. Ленин «застывает» небытием этот «коматозный период» в жизни «возвышенного апологета униженных и оскорбленных». Оказалось: небытие вызвало «гигантский всплеск солнечной активности» воспрявшего энергичным бытием «вчерашнего колодника». При этом Ф. М. Достоевского (по мнению В. И. Ленина) порою так заносит, что он обретает прямо-таки «архискверный» облик. ...Дойдя до чтения сцены в келье из «Братьев Карамазовых», В. И. Ленин (по воспоминанию современника) негодуя забросил ныне всемирно известный роман под кровать. Ну и что? Как величайший художник Ф. М. Достоевский свободно манипулирует сознанием изображаемых собеседников. Относится это и к В. И. Ленину — «внимательному респонденту на заданную тему». Он нашел у Ф. М. Достоевского то, что до него вряд ли кто мог разглядеть, — стремление увидеть мир в его «антиномичном раскладе». И упомянутых «светил науки» — полагаем — Ф. М. Достоевский привлекал тем, что изображаемую им действительность «выворачивал наизнанку» (и присущий «философствующему пово-

дырю человечества» антиномизм мысле-образного ее видения сполна давал о себе знать), подталкивая ученое сообщество к ее «целеположенному переконструированию». На этом, собственно, настаивает художественно преломляемый «принцип антиномизма», используемый «замкнутым отшельником» весьма своеобразно: принимая Бога, лишь через «горнило сомнений» Федор Михайлович возносит Ему осанну (и сомнения эти небезосновательны: роман «Бесы» (1871–1872) устами одного из «отрицателей» «заверяет»: «Бог умер». Не боится ли сам Ф. М. Достоевский этой смерти? Ведь если «Бога нет» и «все дозволено» — ослабевает выстраданная автором установка на образование как стимул личностного совершенствования, и человек оборачивается «тварью дрожащей»... Здесь есть над чем поразмышлять). ...Вспомним биографию писателя. Ф. М. Достоевский окончил Инженерное училище (Санкт-Петербург): стал технически образованным специалистом (правда, профессия «военспеца» оказалась ему «несподручной»). Это наложило отпечаток на романтическое мировосприятие будущего выразителя «русского социализма», стягиваемое, как мы видим, внедренными в молодые годы «научно-техническими образовательными студиями». Взгляните с этих позиций на широковегетарскую «Легенду о Великом инквизиторе» (роман «Братья Карамазовы»). Будучи «утонченным лиро-драматическим опусом», «Легенда» — логически безупречна и с научно отлаженных, а также методологически выверенных позиций вскрывает ущербность теодицеи. Не случайно К. П. Победоносцев (1827–1907), беседуя с «маститым старцем», выразил опасение — не подорвет ли православную веру беспрецедентный, направленный против «розового» христианства (закавыченное «словечко» принадлежит К. Н. Леонтьеву (1831–1891)), «религиозный нигилизм» Великого инквизитора. Ф. М. Достоевский корректно заверял члена Государственного Совета и обер-прокурора Синода в своей полнейшей религиозности (которая присуща и «Легенде», несмотря на ее «антиномические провалы»), и он был прав, субъективно оставаясь решительным провозвестником «правды Богочеловека». Об этом свидетельствует его великое Пятикнижие — романы «Преступление и наказа-

ние» (1866), «Идиот», «Бесы», «Подросток» (1875), «Братья Карамазовы» (1879–1880). Вместе с тем, как мы пытались ранее показать, имея диплом военного инженера, Ф. М. Достоевский неизбежно представлял себе мир под углом зрения его (т.е. мира) естественной упорядоченности, а это свидетельствует о том, что земная составляющая вселенского ареала диктовала писателю перспективу художественного мышления. Пронизанные «высшим реализмом» (Ф. М. Достоевский) творения того, кто «Христа» поднимал над «Истиной», komponуют многоаспектные, научно подогнанные друг к другу, срезы «вселенского бытия». И создаваемые непревзойденным предтечей «глобальных тупиков» шедевры письма выходят за пределы того внутреннего антуража, которым Ф. М. Достоевский оперирует как «ритуалом религиозности». Действительно, дела писателя — а они «зависают» его «литературно обставленными» прозрениями — мало соответствуют тому, что делает мудрого провидца вполне религиозной личностью. Подобные случаи не столь уж редки. ...Пушкинская Татьяна не слушает своего «создателя», и он вынужден пойти ей навстречу, соответствуя логике развертывания образа. Печорин у М. Ю. Лермонтова (1814–1841) «разместился» галереей «героев нашего времени». На деле молодой человек «дегероизирует» исходные намерения автора. Наконец Л. Н. Толстой (1828–1910) эпопеей «Война и мир» обнаруживает подлинную народность — в единении всех сословий по отражению наполеоновской агрессии, а это — время крепостничества. Однако как высшая ценность в глазах «матерого человечца» (слова В. И. Ленина о Л. Н. Толстом) оно противостоит «либеральному реформизму» 1861 г. с его «освобождением» (фактически — разорением) крестьян. Но кто же сочтет Л. Н. Толстого мракобесом? Приводимые примеры убеждают: творения искусства, высвечивая мировоззрение их создателей, вовсе не тождественны ему. Продолжая отслеживать «почерк Ф. М. Достоевского», мы видим в его творчестве нечто такое, что, будучи созданным благодаря «глубинному запалу» автора, обретает независимое от него существование. Произведения, «отшлифованные» вдохновением мэтра, вполне «предметно оживлены». В случае с

Ф. М. Достоевским это усилено полифоническим звучанием «вверенного» ему — «по воле провидения» — внутреннего мира, где, однако, лично Федор Михайлович — один из его «обитателей», но, к сожалению, не хозяин положения (сказанным обусловлена психология «жизненного антиномизма» «предчувственника неясных ожиданий», «преодолевающего» отмечаемое «противоречие между двумя взаимоисключающими положениями» апофеозом религиозности). И Ф. М. Достоевский устремлен к такой «обкатке» полифонизма, благодаря чему синтезируются разновоспроизводимые срезы духовного освоения «живой жизни»: обыденно-повседневный (т.е. то, что связано с критико-реалистическим анализом человеческих судеб, межличностных связей); рационально-знаниевый (содействующий тому, что интеллектуально возвысившиеся персонажи Ф. М. Достоевского приоткрывают неизвестные подходы к осмыслению традиционных ценностей (например, рассуждения Свидригайлова из романа «Преступление и наказание» о вечности или истолкование князем Мышкиным судьбы Настасьи Филипповны (роман «Идиот»)); образно-художественный (гениальное умение на краткое время стать «бичом Божиим», чтобы пригвоздить тех же «бесов» из одноименного романа, когда, казалось бы, авторское, намеренно шаржированное, отношение к экстремистам-псевдореволюционерам парализует малейшую возможность «засветить» их системой К. С. Станиславского (1863–1938)); эмоционально-заразительный (читатель испытывает самоочевидный катарсис и — нравственно преображается сочувствием узникам «Записок из Мертвого дома» (1860–1861), а также самому Ф. М. Достоевскому, запечатлевшему ими и высокопоучительными письмами брату — писателю М. М. Достоевскому (1820–1864) — свои каторжные переживания); прогностико-предсказательный, т.е. пророческий (это примечательно отражено речью Ф. М. Достоевского об А. С. Пушкине (1880), отдельными суждениями о предстоящем завершении — через миллионы лет — жизни на Земле; вообще нужно заметить: пророческий подтекст духовной деятельности Ф. М. Достоевского — из разряда высших интеллектуальных достижений всех времен; и, видимо, им — указанным

достижением — впоследствии умело воспользовался А. Эйнштейн: «один из великих преобразователей естествознания» (В. И. Ленин); приводимые здесь его слова — тоже глубокое пророчество). Названные уровни «опредмечивания действительности» составляют, по нашему мнению, реальное выражение образовательной программы проницательного участника по перестройке современных ему общественных отношений. Ф. М. Достоевский, как можно наблюдать, нелинейно-объемным охватом «Целого Вселенной» (под «Целым Вселенной» Ф. М. Достоевский понимает мир, вскрывающийся, как бы мы сказали сегодня, с позиций одновременностного подхода, при котором прошлое, настоящее и будущее — согласно статической концепции времени — одновременны, однако каждый из временных рядов не утрачивает присущей ему специфики; это придает одновременности «стилевое подобие вечности», при котором затрагиваемая индивидом (вне­религиозная) вера укрепляется амбивалентной соотнесенностью с рацией; «обволакиваясь», словно комой, «виртуалом», индивид в силах сполна задействовать таящийся авуарами духовности недюжинный свой потенциал) провозглашает наступление покоящегося на теоретико-познавательной основе образно — словно голограммой — всплывающего «зазеркалья».

Парадигмальность мышления Ф. М. Достоевского как результат его «программных изъяснений». Рассуждая указанным способом, мы актуализуем парадигмальность в наследии Ф. М. Достоевского. Она сводится к тому, что вскрывает сущее: Целое Вселенной. Оно, согласно проведенному нами раскладу идейного наследия Ф. М. Достоевского, аккумулирует постоянно нарабатываемое им (т.е. Ф. М. Достоевским) знание, оборачивая его структурированной художественной системой. Отсюда парадигмальность поисковой конструкции Ф. М. Достоевского только отчасти может быть соотнесена с общепринятым в научной методологии содержанием парадигмы. Образовательное новаторство Ф. М. Достоевского в парадигмальном обосновании рисуемой им картины реальной действительности обусловлено также тем, что изображенный фокусом одновременностного подхода многомерный каскад происходящего не заикливается

какими-то устоявшимися положениями, но постоянно их преодолевает, последовательно занимая более высокие в своей очеловеченности позиции. «Целое Вселенной» Ф. М. Достоевского — действующая метафора в последовательном «распечатывании» личностного «Я». Используя ее, писатель делает прозрачным — и условием прозрачности становится набор художественных приемов — стремящийся к объективной завершенности внутренний мир человека.

Личностный расклад Ф. М. Достоевского — важнейший компонент его наследия. Юродивость защитника «униженных и оскорбленных». Современные научно-философские ориентиры, такие как уже упомянутые голограмма и «виртуал», лишь приближенно отражают духовную насыщенность наследия Ф. М. Достоевского. Однако важнейший «компонент» его (т.е. наследия) — личность самого писателя. Творения Ф. М. Достоевского изумительно расцветаются, когда мы, постигая совершенство изображенного, обнаруживаем наше сопричастие с ним. Подхваченные «орбитой Ф. М. Достоевского», мы становимся «колесиками и винтиками» (В. И. Ленин) ее полифонизма: выходим непосредственно на «автора», минуя не устраивающего нас «бахтинского рассказчика». Несмотря на все прозрения по адресу Ф. М. Достоевского, загадочность этой личности не перестает нас удивлять. Сохраняя и усиливая убеждение: Достоевский-человек выше того, что им сотворено, мы склонны признать «эпилептическую юродивость» у создателя жизненно убедительного образа — «идиота»: князя Льва Николаевича Мышкина. Ф. М. Достоевский явно «замешан» на юродивости: юродивость с ее «преодолением земного притяжения» — впечатляющая черта «непостижимого россиянина», подчеркивающая его «неприкаянность» в «дольних очертаниях» и стремление вырваться из их заколдованных кругов. Впрочем, круги эти (словно хомуты) русский человек добровольно вешает себе на шею и тем завершает созидание личностно задаваемой неприкаянности.

Подведем некоторые итоги: Ф. М. Достоевский — с нами! Мы попытались проанализировать философски репрезентируемое образование, каким оно предстает в личностном самовыражении великого рус-

ского писателя и мыслителя Ф. М. Достоевского. Будучи воплощением творческого горения, гений всемирной литературы образовательно определился, говоря современным научным языком, в качестве андрагога, т.е. человека, который пронес «лично-но воздержанную поэтическую одержимость» через всю свою жизнь. Благодаря этому талант Ф. М. Достоевского движется «спиралевидно нарастающей циклоидой», достигая пика романом «Братья Карамазовы». Результат предсмертных сердечных излияний «прозорливого духовидца» любопытен тем, что изображаемая здесь реальная действительность далеко не соответствует его мировоззренческим интенциям. Последние — это может видеть читатель — содержат (как было ранее замечено) элементы антиномизма: с одной стороны, автор — как и следует «верующему богопослушнику» — религиозно воспроизводит «коллизии карамазовщины», с другой — будучи подлинным художником-реалистом — показывает значимость непростых «жизненно-вяжущих обстоятельств» в свершении человеческих судеб. Предполо-

женным текстом сделана попытка раскрыть позицию Ф. М. Достоевского, соответствующую которой стихийно разработанная теоретиком русского утопического социализма философско-образовательная программа несомненно играет всемирно-историческую роль в сохранении человечеством своего сознания как гуманитарно приподнятого, свободного от «сциентистского удушья» и, однако, связывающего общей линией всю цепь нашей волею окрыляющих знаний — от «естественнонаучных взвихрений до горных полетов любознательности».

Вместо заключения: философско-образовательные высоты Ф. М. Достоевского одаряют его вечностью. Под воздействием общечеловеческого стремления воссоединить облик Ф. М. Достоевского с его уникальным творчеством вот уже второе столетие дают о себе знать «чудо, тайна и авторитет одного из самых ярких носителей актуализуемой современностью вечности». Приближаясь к ним, мы всякий раз настраиваемся на вновь очерчиваемый спиралевидно-жизненный разбег, и — несть конца Ф. М. Достоевскому.

Информация об авторе

Коноплев Николай Сергеевич — доктор философских наук, профессор, кафедра философии и религиоведения, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, e-mail: konoplev@home.isu.ru.

Author

Konoplev Nikolay Sergeyevich — Doctor of Philosophy, Professor, Chair of Philosophy and Religion Studies, Irkutsk State University, 1, K. Marks Street, Irkutsk, 664003, e-mail: konoplev@home.isu.ru.